

Київський національний університет імені Тараса Шевченка

Видавничий дім Дмитра Бураго

*****

Наукове видання

«**МОВА І КУЛЬТУРА**»

Випуск 14

Том VI (152)

Київ
2011

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

Издательский дом Дмитрия Бурого

*****

Научное издание

«ЯЗЫК И КУЛЬТУРА»

Выпуск 14

Том VI (152)

Киев
2011

М 74 МОВА І КУЛЬТУРА. (Науковий журнал). – К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2011. –
Вип. 14. – Т. VI (152). – 408 с.

Наукове видання «Мова і культура» засноване у 1992 році

Видання зареєстроване Міністерством юстиції України.
Свідоцтво КВ № 12056-927ПП від 4.12.2006 р.

Засновники:

Київський національний університет імені Тараса Шевченка
Видавничий дім Дмитра Бураго

Видається за рішенням Вченої ради Інституту філології
Київського національного університету імені Тараса Шевченка від 19.02.2007 р.

Головний редактор Д. С. Бураго

Редакційна колегія:

канд. філол. наук, доц. **П. П. Алексєєв**; д-р філол. наук, проф. **В. М. Брицин**; д-р філол. наук, проф., академік АН ВШ України **Ю. Л. Булаховська**; д-р філол. наук, проф. **О. П. Воробійова**; д-р філол. наук, проф., академік АН ВШ України, заслужений працівник ВШ України **Л. П. Іванова**; д-р філол. наук, проф., академік АН ВШ України, заслужений працівник ВШ України **М. О. Карпенко**; д-р філол. наук, проф. **Т. В. Клеофастова**; д-р філол. наук, проф. **Ю. І. Корзов**; д-р філол. наук, проф. **Н. В. Костенко**; д-р філос. наук, проф., д-р філол. наук, проф. **Г. Ю. Мережинська**; д-р філол. наук, проф. **А. К. Мойсієнко**; д-р філол. наук, проф. **Ю. В. Мосенкіс**; д-р філол. наук, проф. **Н. Г. Озерова**; д-р філос. наук, проф., академік НАН України **О. С. Онищенко**; д-р пед. наук, канд. філол. наук, проф. **Г. В. Онкович**; д-р філос. наук, канд. істор. наук, проф. **Ю. В. Павленко**; д-р філол. наук, проф. **Т. А. Пахарєва**; д-р філол. наук, проф. **Г. Ф. Семенюк**; д-р філол. наук, проф., академік НАН України, заслужений діяч науки і техніки України **В. Г. Скляренко**; д-р філол. наук, проф. **Н. В. Слухай**; д-р філол. наук, проф. **О. С. Снитко**; д-р філол. наук, проф. **Е. С. Соловей**; д-р психол. наук, проф., член-кор. АПН України **Н. В. Чепелева**.

ФІЛОСОФІЯ МОВИ І КУЛЬТУРИ

<i>Пустовит А.В.</i>	
Пушкинская философия времени и счастья.....	5
<i>Юдин А.А.</i>	
Интерпретация текста в свете принципа связи между историческими контекстами автора и интерпретатора (У.С. Моэм «Острие бритвы»).....	7
<i>Салдецька О.І.</i>	
Роль «стертої» антропоморфної метафори у структуруванні картини світу (на матеріалі англomовного публіцистичного дискурсу).....	15
<i>Буркова Е.С.</i>	
Философичность как принцип литературной критики Л. Шестова	19

ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЧНА ІНТЕРПРЕТАЦІЯ ТЕКСТУ

<i>Шевченко А.С.</i>	
Культурологічна обумовленість іспаномовного тексту Біблії	26
<i>Науменко Л.О.</i>	
Діалоговий дискурс у прозовому контексті (на матеріалі українських письменників поч. ХХ століття).....	30
<i>Юдин А.А.</i>	
Интерпретация и автоинтерпретация текста: к вопросу об авторских интенциях (А.П. Чехов «Иванов», «Леший», «Дядя Ваня»).....	36
<i>Шилина С.А.</i>	
Лингвокультурологическая интерпретация управленческого дискурса (на материале посланий Ивана Грозного)	45
<i>Квирикадзе Н.Г.</i>	
Цветовые детали у Николая Гоголя и Томаса Манна («Мертвые души» и «Будденброки»).....	52
<i>Сіранчук Н.М.</i>	
Різномасштабне обґрунтування сутності образного мовлення	61
<i>Страшок Н.М.</i>	
«Портреты» М. Алданова в оценках критики и литературоведения	64

Кроtenко Е.В.

Концепт «джаз» в семиотической структуре текста новеллы
«Первое мая» (Ф.С. Фицджеральд)..... 68

Телєжкіна О.О.

Стислість форми і лаконічність змісту рубаї – ознака мовної
майстерності Д. Павличка..... 74

МІЖКУЛЬТУРНА КОМУНІКАЦІЯ

Прохорова Т.В., Наталевич О.Г.

Проблемы компьютерно-опосредованной коммуникации
специалистов в условиях становления электронной экономики 81

Порядна О.О.

Переклади І. Франка як створення міжкультурного діалогу
(на матеріалі сатиричних оповідань М. Твена та староанглійських балад) 88

Кастрица Е.А.

Приметы и поверья семейной обрядности
(на материалах экспедиции по логойскому району Минской области) 93

Головатюк В.Д.

Польське народознавче товариство – вірність традиції 96

Новак В.С.

Родильный обряд гомельского полесья: структура и
регионально-локальные особенности..... 101

Станкевич А.А.

Лексика свадебной обрядности в говорах Гомельщины:
названия обрядовых действий и свадебных чинов..... 107

Суслова М.О.

Соціокультурні детермінанти концептуалізації ісламу в
іспанській та французькій мовних картинах світу 114

Самусева Ю.С.

Прагмасемантический потенциал приветствия в белорусской
и итальянской лингвокультурах 121

НАЦІОНАЛЬНІ МОВИ І КУЛЬТУРИ В ЇХ СПЕЦИФІЦІ ТА ВЗАЄМОДІЇ

Федонюк В.С.

Про чеську фразеологію з гендерним компонентом 127

Домилівська Л.В.

Юрій Яновський в дослідженнях мовознавців – наступників
київської історико-філологічної школи 135

Строганова Г.А.

Метафоричность терминов немецкого языка экономики 140

Рафазлова К.С.	Логическая модель и типы устойчивых компаративных единиц (на материале армянского и русского языков)	145
Прокопова Л.І.	До проблеми дослідження німецького розмовного мовлення.....	149
Мироненко О.В.	Функціонально-стилістичні особливості порівняння як тропеїчної фігури (на матеріалі творів поетів-шістдесятників).....	152
Рядська Р.І.	Теоретичні передумови та критерії інвентаризації перформативних парадигм.....	157
Сидорец В.С.	О функционально-семантических сходствах и различиях между восточнославянскими типовыми деривационными группами вербоидов	163
Русановська Т.В.	Механізм творення сленгових вторинних номінацій (на матеріалі сленгових соматизмів в українській та німецькій мовах).....	170
Проценко І.Ю.	Семантичні способи словотвору нейтральних і конотативних лексем, що називають людину за віком в іспанській та українській мовах.....	178
Романова Н.В.	Семантична структура дієслівної емотивної лексики (на матеріалі поетичних творів J.Ch. Günther).....	183
Бондаренко Я.О.	Мовна особистість Грегори Хауса – взаємодія когнітивної діяльності та вербальної поведінки	190
Зимовець Г.В.	Специфіка лексико-синтаксичного способу утворення ергонімів	196
Вікторова Л.В.	Юридичні терміни французького походження в сучасній румунській мові	203
Субботина О.А.	Особенности формирования синкретичной зоны в словообразовательной системе русского языка (на материале адъективов с квалификативно-квантитативной семантикой).....	210
Туришева О.О.	Випадки порушення рамкової конструкції в нормативному полі сучасної німецької мови	215
Самсонюк О.М.	Основні способи термінотворення англійської мови у сфері водного господарства	220
Симанская Е.Э.	Гендерные оппозиции в лексической системе крымско-татарского языка	223

МОВА І ЗАСОБИ МАСОВОЇ КОМУНІКАЦІЇ

<i>Мандик В.А.</i> Фонетическая вариантность в произношении дикторов радио	227
<i>Тхір М.Б.</i> Новорічна політична промова як жанр публічного виступу (на матеріалі промов американських президентів)	232

ХУДОЖНЯ ЛІТЕРАТУРА В КОНТЕКСТІ КУЛЬТУРИ

<i>Прядко Ю.П.</i> С. Довлатов и “Новый американец”	237
<i>Гуртовая Я.В.</i> О своеобразии путевых очерков И.С. Тургенева	244
<i>Потыранска Агнешка</i> Дьявол, царящий над вселенною... – фигура змея/дракона в поэзии Федора Сологуба	250
<i>Романец В.М.</i> К вопросу о проблеме конфликта в романтической драме Виктора Гюго	258
<i>Пустовит А.В.</i> Фрактальность композиции произведений А.С. Пушкина	263
<i>Михайлюк Н.І.</i> Розвиток мистецьких мотивів в англійському наративному дискурсі початку ХХ ст. (за мотивами творчості В.С. Моєма)	267
<i>Сварич Н.З.</i> Філософсько-естетичний контекст поетичної творчості Ліни Костенко (на прикладі збірки «Неповторність»)	273
<i>Шкляєва Н.В.</i> Татарські мотиви в народних топонімічних переказах Північної Волині	276
<i>Никольский Е.В., Коновалов А.А.</i> Изображение императора Павла в исторической прозе Всеволода Соловьева и Михаила Волконского	281
<i>Рудомазина Т.Б.</i> История о войне Креза и Кира как повествование о смерти правителя	268
<i>Винник В.М.</i> Жанрові аспекти роману Дж. К. Роулінг «Гаррі Поттер»	291
<i>Сиротенко Л.Ф.</i> Театральность повести Я.П. де Бальмена “Не достанься никому – ни мне, ни ему, злодею моему”	298
<i>Грицак Н.Р.</i> Марина Цветаева та Осип Мандельштам (до історії особистісних та творчих взаємин)	304
<i>Корнієнко В.В.</i> Латинськомовна елегія в літературі українського ренесансу та бароко	310

Чеботарьова А.М.

Естетичні погляди Дж. Д. Селінджера 316

Трунин С.Е.

Англоязычный период творчества В. Набокова как объект авторской рефлексии в романе Д. Галковского «Бесконечный тупик»..... 322

ТЕОРИЯ І ПРАКТИКА ПЕРЕКЛАДУ

Нікітіна Ф.О.

Запозичення і переклад 327

Плющ Б.О.

Відтворення кольористики малої прози М.Коцюбинського в англломовних перекладах 329

Ласка І.В.

Аксіологія перекладу в трактаті П.-Д. Юе De interpretatione (1661)..... 335

Бегма (Фролова) Ю.О.

Причини застосування комплексних лексико-граматичних трансформацій в англо-українському художньому перекладі 340

Романюга Н.В.

Феміністичні мотиви творів малої прози Лесі Українки в аспекті перекладу..... 346

Савко М.В.

Аудиовізуальний переклад в Беларусі..... 353

Ткаченко О.О.

Нові електронні ресурси на допомогу перекладачам - 2011 рік 357

КУЛЬТУРОЛОГІЧНИЙ ПІДХІД ДО ВИКЛАДАННЯ МОВИ І ЛІТЕРАТУРИ

Сидюк І.В.

Формирование содержания обучения китайскому языку на основе принципа культуросообразности 366

Юрчук Л.В.

Элиминация культурологических лакун в иноязычной межкультурной коммуникации 370

Проскалович О.В., Рубаник Т.В.

Холистический подход в области содержания школьного филологического образования..... 373

Роляк І.Л.

Коммуникативное поведение в обучении русскому языку делового общения.. 377

Цвєткова А.В.

Специфічні методичні засади викладання іноземної мови в технічному вузі... 383

Токарская Л.М., Сергунина Т.А.

Культурологическое содержание учебника по русскому языку
для школ Украины..... 388

**КРУГЛИЙ СТИЛ: КИЇВСЬКА ІСТОРИКО-ФІЛОЛОГІЧНА ШКОЛА У
ВИТОКАХ, ТРАДИЦІЯХ, ПЕРСОНАЛІЯХ: ВІД М.О. МАКСИМОВИЧА ДО
НАШИХ ДНІВ**

Шевченко Л.І.

У колі ідей київської історико-філологічної школи: наукова спадщина
В.М. Русанівського (до 80-річчя від дня народження)..... 395

людях все то, что обычно скрыто воспитанием, социальным положением, полом, местом человека в той или иной группе людей, и именно это писателю-психологу оказывается наиболее важным.

И.С. Тургенев по-своему продолжил традиции путевого очерка, заложенные Н.И. Новиковым, А.Н. Радищевым и Н.М. Карамзиным. Для его путевого очерка характерна четкость бытовых наблюдений и пристальность психологического анализа, сосредоточенность не на описании собственных путевых впечатлений, а на психологии человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винникова Г.Э. Тургенев и Россия. Изд. 2-е, перераб. и доп. : [Текст] / Г.Э. Винникова. – М.: Сов. Россия, 1977. – 448 с.
2. Костенко А. Шевченко в мемуарах / А. Костенко. – К.; 1965. – 253 с.
3. Рассадин С. Б. Русская литература: от Фонвизина до Бродского : [Текст] / С. Б. Рассадин. – М.: СЛОВО/SLOVO, 2001. – 288 с.
4. Тиме Г. А. «Записки охотника» И.С. Тургенева и «Шварцвальдские деревенские рассказы Б. Ауэрбаха (Сравнительная типология жанра) : [Текст] / Г.А. Тиме // И.С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества. – Л.: Наука, 1990. – С. 45–57.
5. Айзеншток И. Я. Тургенев і Шевченко / І.Я. Айзеншток // Червоний шлях. – 1926. – №2. – С. 139–148.
6. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / И.С. Тургенев. – М.; Л. : Изд. АН СССР. – 1960–1968.
7. Дяговец И. И. Журналистская жанрология : Учебное пособие для студентов факультета «Журналистика» : [Текст] / И. И. Дяговец. – Донецк: Норд-Пресс, 2009. – 88 с., с. 28

УДК 821.111.1

*Потыранска Агнешка
(Люблин, Польша)*

ДЬЯВОЛ, ЦАРЯЩИЙ НАД ВСЕЛЕННОЮ... – ФИГУРА ЗМЕЯ/ДРАКОНА В ПОЭЗИИ ФЕДОРА СОЛОГУБА

Статтю присвячено розгляду авторського міфа Федора Сологуба – міфа про Сонце-Змія. Автор робить спробу пояснити символічні поняття, які визначають концепт «Сонце» (Вуж, Змії, Полоз). Предметом досліджень є вірші Сологуба з тому «Змії» (1907), а також пізніші тексти. Проведений аналіз різних поетичних характеристик Змія у творах Ф. Сологуба дає можливість відтворити контексти його художнього мислення і простежити зв'язки з різними шарами міфопоетичної традиції. Мотив Сонця-Змія розглянуто в контексті трьох характеристик: пов'язаних зі світлом,

етично-аксіологічних і епістемологічних. Аналіз їхньої семантики і образної системи дозволяє зробити висновок, що герой Сологуба асоціює сонце з Дияволом. Тут дешифровано значну кількість символів, які виражають правду про місце людини у світі. У результаті проведених досліджень доведено, що міф Сологуба синтезує значну кількість культурних значень, містить профетичний першоелемент, описує нову екзистенційну ситуацію людини, яка повинна перемогти зло.

Ключові слова: авторський міф, Сонце-Змій, Вуж, Полоз, Люцифер, Диявол

В настоящем докладе рассматривается авторский миф Федора Сологуба – миф о Солнце-Змее. Предпринимается попытка истолкования понятий, определяющих концепт «Солнце» (Змей, Змий, Дракон). Предметом интерпретации становятся стихотворения Сологуба из сборника «Змий» (1907), а также тексты последующих лет. Средством анализа разнообразных поэтических характеристик Змея в произведениях поэта воссоздаются контексты его художественного мышления и прослеживаются отсылки к разным пластам мифопоэтической традиции. Так, предлагается рассмотрение мотива Солнца-Змея в контексте трех типов характеристик: световых, этически-аксиологических и эпистемологических. Анализ их семантики и системы образов позволяет сделать вывод о том, что в восприятии сологубовского лирического героя солнце ассоциируется с Дьяволом. Дешифрации поддаются многие символы, способствующие выражению правды о существовании человека в мире. В итоге утверждается, что сологубовский миф синтезирует многие культурные значения, содержит провидческий элемент и предсказывает новую экзистенциальную ситуацию человека, которому предстоит победить зло.

Ключевые слова: авторский миф, Солнце-Змей, Дракон, Дьявол, Люцифер

This paper deals with the author's myth of Fiodor Sologub – the myth of Sun-Dragon. The attempt is made to explain the symbolic notions specifying the concept of the 'Sun' (Snake, Zmey, Dragon). The subject of study embraces the poems by Sologub from the volume 'Zmey' (1907) as well as his subsequent texts. The conducted analysis of varied poetical characteristics of the Dragon in Sologub's poems allows not only to reconstruct the contexts of his artistic thinking but also to trace the references to the various layers of mythopoetical tradition. The motive of the Sun-Dragon is examined in the context of three characteristics: related to the light, ethical-axiological and epistemological. The analysis of their semantics and of the system of pictures allows to draw a conclusion that according to Sologub's hero the sun is related to a Devil. A lot of symbols expressing the truth of the condition of a man in the world are also deciphered. As a result of the conducted research it has been proved that Sologub's myth synthesizes numerous cultural meanings, contains a prophetic streak and prophesies a new existential situation of a man who has to defeat the evil.

Key words: author's myth, Sun-Dragon, Zmey, Snake, Devil, Lucifer

«Серебристы» (...) заглянули за пределы всяких мистических и космических тайн» [1: 14].

Русские символисты не только черпали из богатого источника, каким является мифология, но и создавали авторские мифы. Одним из самых известных мифотворцев эпохи

Серебряного века был Федор Сологуб. В основе наших исследований лежит его оригинальный миф о Солнце-Змее. В ряде работ, посвященных поэту, встречаются лишь упоминания о его ненависти к солнцу, солнечному дню и любви к ночи. Среди работ о Солнце-Змее следует назвать в первую очередь исследование Марии Цимборской-Лебоды. Исследуя семантику Змея в книге *Twórczość w kręgu mitu*, она выявляет параллели между сологубовским мифом и мифологическими рассказами, развивающими мотив борьбы между Змеем, или Драконом, а солнечным, или ураническим божеством. В этом исследовании – в рамках рассуждений о мистерии в творчестве Сологуба – отмечаются ассоциации с мифическим Ahi. Авторский миф поэта привлек внимание и известной исследовательницы его творчества – М. Дикман. Напомним, что в свое время, также К. Чуковский в статье *Навыи чары мелкого беса* упоминал миф о Солнце-Змее. В наше же время, сопоставляя разные точки зрения на миф в творчестве поэта, М.Л. Слободнюк приходит к выводу, что «Солнце-Змей у Сологуба – это результат контаминации русского Змея-Горыныча (М. Дикман), гностического Демиурга, альбигойского Солнца, порождающего «зло» и, возможно, «злой воли» Шопенгауэра» [2: 160]. На наш взгляд, кроме сказочного персонажа Змея-Горыныча, у сологубовского Змея видны черты Огненного Змея в том плане, что он является воплощением стихии огня [3 (2: 238)], ибо, как мы увидим далее, в творчестве поэта этот мотив неслучайно и неоднократно появляется в контексте Солнца-Змея. В настоящей работе мы предпринимаем попытку истолкования понятий, определяющих концепт «Солнце» (Змей, Змий, Дракон), делая предметом интерпретации стихотворения Сологуба. Мы стремимся доказать, что в творчестве поэта Солнце приобретает черты Дьявола и им становится в восприятии лирического героя. Тем более, что лирическое «я» является у Сологуба парадигматическим [4: 31], оно подобно каждому человеку.

Чтобы выявить особенности авторского мифа о Солнце-Змее в поэзии автора *Мелкого беса*, мы подвергнем анализу стихотворения датированные 1907 годом, вошедшие в сборник, озаглавленный *Змий*. Правда, мотив Змея повторяется и в произведениях поэта других лет, учтем, однако, что речь идет не о простом повторении, а о той семантической редундации, сущность которой определил Жильбер Дюран: «(...) powtarzanie nie ma [tu] charakteru tautologicznego: jest ono doskonałace dzięki gromadzeniu przybliżeń. Można je w tym porównać do spirali, albo lepiej do selenoidu, w którym za każdym powtórzeniem coraz bardziej zbliżamy się do celu, do jego środka» [5: 26]. Другими словами: повторяемость мотива в разных стихотворениях способствует выявлению его скрытого, тайного смысла. Любопытно, что в некоторых из них появляется образ двух солнц, значение которых, связанное с семантикой Змея, читатель должен угадать, дешифровать: *Два солнца горят в небесах./ Посменно возносятся лики/ Благово и злого владыки./ То радость ликует, то страх. / Дракон сожигает, дикий./ И Гелиос, светом великий, -/ Два солнца в моих небесах* [6: 22].

Очевидно, в данном стихотворении оба солнца являются владыками, однако они различны и представлены оппозицией: «благой – злой». Поэтому одно называется «Гелиосом» (в греческой мифологии бог солнца [3 (1: 272)]), второе «Драконом». Релевантными оказываются не только их наименования, но также результаты деятельности «владык»: *То радость ликует, то страх*; последнее ассоциируется с мотивом маятника, который отсылает к Шопенгауэру и к его книге *Жизнь между страданием и скукой*.

Аналогичную ситуацию и присутствие двух светил находим в стихотворении с инципитом В недостижимом чертоге..., в котором противопоставляются два мира и два солнца: мир тишины, радости и мир зла, дневное солнце – «злomu Дракону», Змею. Поскольку в стихотворениях Сологуба солнце называется то Драконом, то Змеем, то Змием, прежде чем перейти к анализу стихотворений, уместно дать объяснение этих лексем, отсылающих к культурной традиции.

Любопытно само происхождение слова «змей», которое исследовал и обосновал Афанасьев: «Слова из разных языков имеют в санскрите корень *ah* или *alh* (с носовым звуком) – сжимать, душить, сдавливать, что указывает в змее страшного гада, который опутывает (связывает) свою добычу кольцами, сжимает и душит ее; (...) От того же корня образовались и слова для обозначения давящей тоски, страха и бедствия» [7: 194].

Из приведенного следует, что лексема «змей» вписывается в семантическое поле слов, обозначающих тесноту, которая в творчестве Сологуба служит выражению концепции мира-тюрьмы, ада. Еще иной, важный аспект Змея/Дракона выявляет Я. В. Чеснов в книге *Телесность человека: философско-антропологическое понимание*. Он отмечает, что «Дракон по-гречески «островидящий». Европейский дракон, как и китайский (...) остро видит» [8: 33]. Этот признак находит подтверждение и в работе вышеупомянутого Афанасьева: «дракон – санскр. *dr̥gvischa* – змея, животное чуткое, сторожливое, всегда озирающееся (от *dr̥c* – смотреть, видеть); в греческом *δέρχειν* – смотреть, **светить, рассыпать искры**» [7: 197]. Другой исследователь утверждает: «Дракон может считаться дальнейшим развитием образа *змея*: основные признаки и мифологические мотивы, связывавшиеся с Драконом, в главных чертах совпадают с теми, которые характеризовали мифологического змея» [3 (1: 394)]. Хотя наименования Змий/Змей, Дракон применяются Сологубом синонимично, относимые к одному и тому же мифологическому существу, исследователи славянской мифологии указывают на разницу между этими понятиями, противопоставляя Змия Дракону. Так, польский исследователь Александр Гейштор утверждает: «(...) termin ten [Żmij – А. П.] przechodzi jednak na istotę niebiańską, o cechach pozytywnych, jakby pomocnika bożego, podczas gdy jego wróg nabywa cech demonicznych i nosi nazwę smoka» [9: 99]. Похожее мнение находим у других исследователей: «Zwalczanie smoków i diabłów przypisywano zwykle św. Eliaszowi lub Bogu, ale na niektórych terenach Słowiańszczyzny funkcje te pełniła tajemnicza istota zwana „Żmijem”. (...) Nazwę „Żmij” znały wszystkie ludy słowiańskie i określały nią latającą ognistą istotę» [10: 39].

Что же касается названия «Змий», то словари русского языка отмечают, что это устаревшая форма слова «змей» [11: 361]. Слово «змий» встречается в Священном Писании, поэтому сологубовский Змей отсылает, в первую очередь, к библейскому искустителю (Быт. 3, 1-7).

Змей/Дракон – это мифопоэтический персонаж. Опираясь на существующие мифологические верования и фольклорные представления, Сологуб создает свой собственный, оригинальный миф. Поэтические характеристики Змея в его произведениях позволяют воссоздать контексты его художественного мышления и проследить отсылки к разным пластам мифопоэтической традиции. Эти характеристики можно воссоздать, в частности, путем анализа эпитетов, послуживших семантическими определениями Дракона. Так, опережая наш анализ, можно сказать, что Змей (условно говоря) получает три типа

характеристик: световые, этические (аксиологические) и «эпистемологические», которые порою выступают совместно. Рассмотрим их поочередно.

Как мы сказали раньше, для творчества Сологуба характерен миф о солнце, Солнце-Змее. По мнению исследователей, «Słońce, które symboliści uważali za źródło życia, ucieleśnienie ideału, w twórczości pisarza (...) jest żywiołem niszczycielskim, przeistacza się w krwiożerczego potwora, pochłaniającego swe ofiary, oraz w oryginalny symbol Okrutnego Smoka» [12: 72]. В стихотворении с инципитом *Опять в лазури ясной...*, помещенном в сборнике *Змий*, поэт выявляет световое своеобразие Змия, его «пылающий лик»: *Опять в лазури ясной./ Высоко над землей/ Дракон ползет прекрасный./ Сверкая чешуей./ Он вечно угрожает./ Свернувшись в яркий круг* [5, 17].

Отмеченные световые признаки Дракона усиливаются теми определениями, которые находим в стихотворении *Алмаз*, помещенном в том же сборнике, что и предыдущее произведение: *Злой Дракон горит и блещет, ослепляя зоркий глаз.* [5, 8-9]

В другом месте Дракон называется «царем безумного сияния» [13: 454], поэтому лирический герой предупреждает его, что он когда-то «померкнет» [5, 27] и «погаснет» [13: 454]. В поэтических текстах Сологуба не раз подчеркивается, что свет исходит от Дракона. Сопоставим эту мысль с фрагментом стихотворения из анализируемого сборника: *Злой Дракон, горящий ярко там, в зените./ Протянувший всюду пламенные нити* [5, 27].

Учитывая вышесказанное, плодотворно указать на факт, что световые характеристики Змея вызывают ассоциации с Люцифером, имя которого дешифруется как «носитель света».

В контексте световых характеристик Змея репрезентативным является стихотворение с инципитом *Злой, золотой, беспощадно ликующий Змей...*, помещенное в пятом томе *Собрания сочинений* Сологуба, в котором Змей определяется эпитетом «золотой»: *Злой, золотой, беспощадно ликующий Змей* [15: 97]

Учтем, что в культурной традиции «Złoto jest symbolem boskości, boskiej inteligencji, nieśmiertelności, niezniszczalności; (...) słońca, światła słonecznego, ognia» [14: 495-496] (хотя, вполне возможно, здесь эпитет «золотой» связан с тем, что Дракон считается покровителем сокровищ [3 (1: 394)]).

Сила Солнца-Дракона пронизывает человека, однако это не созидаящая сила, а губительная, мучительная: *Зной лучей твоих во мне* [13: 180]. Свет, который в традиционном понимании имеет положительные коннотации, у Сологуба – получает отрицательные: демонический свет есть причина боли, муки, страданий.

Со световыми характеристиками тесно связаны этически-аксиологические. Змей «злой» – творит зло (*И злые стрелы точит./ И мечет зло кругом.* [5, 17]), он «угрожает» человеку (*Он вечно угрожает* [5, 17]). Его деятельность соотносится с семантическим полем слов «злость», «вражда», «месть», «дикость», «сожигание»; выражается атрибутами уничтожающих «стрел», также телесными характеристиками, как, например: злые, безумные или дикие глаза и пр.

Змей игнорирует всякие просьбы, направленные ему: *Ты царишь, презрев моления./ Не любя и все губя* [13: 162]. Он жесток и лишен милосердия: *Неотменные повеления./ Нет пощады у тебя* [13: 162]. Эти признаки сближают сологубовского Змея с Люцифером из *Божественной комедии*, который лишен любви и воплощает зло: *Он, истинно,*

первопричина зол! [16]. Бесчувственность и холод сологубовского Змея, его своеобразное «оледенение» также ассоциируются с Люцифером у Данте: *Мучительной державы властелин/ Грудь из льда вздымал наполовину/ И мне по росту ближе исполин,/ Чем руки Люцифера исполину;/ По этой части ты бы сам расчел,/ Каков он весь, ушедший телом в льдину* [16].

В качестве контекста и комментария к сказанному уместно привести высказывание А. А. Потебни: «слова лед, мороз, холод – своеобразные «артикли» свехотрицательной оценки, генетически восходящие к символу холод – печаль, забота, жестокость» [17: 305].

Сосредоточим теперь внимание на том, что жестокому Змею придается у Сологуба царственный статус – он *царит высоко над землей* [5, 17], он недостижим для подвластных ему людей. Возможно, здесь отражается концепция вертикальности мира, согласно которой то, что находится высоко – сакрализуется, то, что внизу – аксиологически противопоставляется ему. Поскольку у Сологуба все категории меняют значения (напр. то, что традиционно положительное, получает отрицательные коннотации), постольку то, что обладает изначальной высотой – это злой Демиург, Дьявол. Отметим, что некоторые исследователи «ищут греческого имени [Сатаны – А. П.], соответствующего звериному числу 666. Некие говорят, что имя его будет ТЕПТАН, которое обозначает солнце» [18: 55].

Мучительная, пламенная власть солнца у Сологуба достигает всех и всего: *Протянувший всюду пламенные нити,/ Опаливший душным зноем всю долину* [5, 27]

Лирическое «я» подчеркивает космическую мощь Змея/властелина: *Змий, царящий над вселенною* [13: 162]. Этот «всемогущий бог, творец этого мира, и есть злое начало» [19: 29]: *больная, злая змея* [13: 66]. Если раньше губительная сила Солнца выражалась в образах палящего, душного зноя, то в стихотворении *Сон по хорон* она связывается с тлением, со смрадом.

Само же определение «злая Змея» непосредственно отсылает к библейскому источнику, где древний змий служит эмблемой злобы: «Змии, порождения ехиднины! как убежите вы от осуждения в геенну?» (Мф 23:33).

Расширяя контекст наших рассуждений, отметим, что гностики верили в двух Демиургов. «Гностики ставят Сатану на место Творца» [20: 5]. В стихотворении Сологуба 1902 года, *Змий, царящий над вселенною...*, особое значение получают опорные слова: «болотная топкая сырость», «тяжкая жизнь». Именно она, тяжкая жизнь – удел человека.

Любопытно, что Змею приписывается созидательная сила. Однако в отличие от милостивого христианского Бога, он – Дракон, гностический Демиург, создал живых существ «на краткий срок», и в этом плане он является «губителем». Выше мы уже отметили, что в восприятии сологубовского лирического героя, Дракон ассоциируется с Дьяволом. Подтверждение этого находим и в других стихотворениях. Дракон называется в них создателем всех людей. Из других произведений знаем, что Отцом людей считается Дьявол (*Когда я в бурном море плавал...*). В итоге, Дракон – «это эмблема злой силы, ужаса. В русской эмблематике дракон полностью отождествлялся со змеем, знаком сатаны, дьявола» [21: 84].

На протяжении многих поэтических произведений Сологуба нарастает отрицательное отношение к солнцу, вызванное фактом его отождествления с «Драконом». Так, непосредственно обращаясь к Дракону, лирический субъект выражает свою неприязнь к нему в следующем стихотворении: *Я любви к тебе не знаю/ Злой и мстительный Дракон*

[13: 180]. Однако он вынужден подчиняться ему, исполнять его волю, его «незыблемый закон». Основная экзистенциальная ситуация лирического субъекта во многих стихотворениях поэта связана именно с его подчиненностью «закону» Змея: (*исполняю/ Твой незыблемый закон.* [13: 180]).

Обратим внимание на следующие слова из стихотворения с инципитом *Я любви к тебе не знаю...: Я облекся знойным телом/ Зной лучей твоих во мне* [13: 180]. Очевидно, эпитет «знойный» соотносит человеческое тело со зноем и огнем Дракона: *Пламенем наполненные жилы,/ Сердце знойное и полное огнем* [13: 188].

Думается, здесь содержится концепция тела как дьявольского создания и причины греха, одержимости грехом. Интересным и расширяющим проблематику комментарием к нашим рассуждениям пусть послужат слова Марии Цимборской-Лебоды: «(...) тело есть враг Духу, ибо закрывает путь к глубинному познанию; воспринимающий глаз останавливается на теле, как оболочке человека, довольствуется этим; контакт с душой оказывается заторможенным» [22: 345-346].

Во многих стихотворениях поэта обнаруживается, что Змей/Дракон – это источник безумия, царящего в земном мире. Змей прямо определяется: *Царь безумного сиянья* [13: 178]. Безумие здесь синонимично человеческой одержимости злом; – следовательно, напрашивается вывод: Змей – и здесь соотносится с Дьяволом.

Все этическое-аксиологические признаки *лютото беспощадного* Змея, воплощающего и творившего Зло, синтезируются в следующем стихотворении:

Но лютый змий возник,/ И мечет стрелы злые./ И грозен мертвый лик/ Пылающего змия [15: 60]. Любопытно, что Змей/Дракон угрожает людям своим «мертвым ликом». Значит – он владыка не подлинной жизни, а смерти. Стихотворение Два солнца горят в небесах... заканчивается воззванием: «Сражайтесь с Драконом, друзья»; оно намекает на то, что борьба со Змеем будет тяжелой, ибо «чешуя лукавой змеи прочней дамасской стали» [13: 341].

Сосредоточим теперь внимание на «эпистемологических» характеристиках Змея. Приведем фрагмент стихотворения *Алмаз: Злой Дракон не знает правды, и открыть ее не может. (...)/ Но в глаза взглянуть не смеет, потому что весь он – ложь* [15: 9]. Дракон и здесь подобен Дьяволу. Как и он, Дракон – это князь лжи. Он – лживый и составляет антитезу правде. Более того, он «весь в себе» и не в состоянии познать правду. Пакую концептуализацию Дьявола находим в Священном Писании: «Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (Ин. 8:44).

Ассоциативный ряд Дракон-Дьявол выявляет и стихотворение с инципитом *Тяжелый и разящий молот....* Лирический субъект утверждает, что когда Змей/Дракон потерпит поражение, настанет время истины: *Дракону злему время настъ./ Растают брызги мутной пены,/ И только правде будет власть!* [13: 454]. Гибель «лютото Змея» пророчат следующие слова из стихотворения 1905 года: *Умирает Змей багряный, Царь безумного сиянья./ Он царил над небосклоном, но настал печальный час,/ И с протяжным тихим стоном Змей пылающий погас* [13: 178].

Любопытно, что в приведенном фрагменте, как и в предыдущем [15: 27], предстоящая гибель Змея выражается с помощью лексемы «стон», обозначающей его бессилие, а также посредством метафоры угасания, снимающей все световые признаки Дракона/Люцифера.

Тем самым, как мы могли в этом убедиться, авторский миф Сологуба о Солнце/Змее, синтетизирует многие культурные значения; он содержит провидческий элемент, предсказывающая новую экзистенциальную ситуацию человека, которому предстоит победить зло.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ю. Безелянский, 99 имен Серебряного века, Москва 2008.
2. С. Л. Слободнюк, «Дьяволы» Серебряного века (древний гностицизм и русская литература 1890-1930 гг.), Санкт-Петербург 1998.
3. Мифы народов мира, Энциклопедия под редакцией С. А. Токарева, Т. 1, 2.
4. С. Н. Бройтман, Ранний О. Манделштам и Ф. Сологуб [в:] «Известия Академии Наук» 1996, серия литературы и языка, т. 55, № 2.
5. G. Durand, Wyobrażenia symboliczne, przełożył S. Rowiński, Warszawa 1986.
6. Ф. Сологуб, Стихи. Книга шестая, Санкт-Петербург 1907.
7. А. Н. Афанасьев, Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственными народами, Т. 2, Москва 1995.
8. Я. В. Чеснов, Телесность человека: философско-антропологическое понимание, Москва 2007.
9. A. Gieysztor, Mitologia Słowian, Warszawa 2006.
10. J. i R. Tomiccy, Drzewo życia. Ludowa wizja świata i człowieka, Warszawa 1975.
11. А. Мирович, И. Дулевич, И. Грек-Пабис, И. Марыняк, Большой русско-польский словарь, Т. 1, Москва 1980.
12. Historia literatury rosyjskiej XX wieku, praca zbiorowa pod red. A. Drawicza, Warszawa 1997.
13. Ф. Сологуб, Полное собрание стихотворений, Санкт-Петербург 2002.
14. W. Kopaliński, Słownik symboli, Warszawa 1990.
15. Сологуб Ф., Собрание сочинений, т. 5, Санкт-Петербург 1910.
16. Данте, Божественная комедия, <http://lib.ru/POEZIQ/DANTE/comedy.txt> (21.10.2009, 11:12). О том, что Люцифер является воплощением ненависти свидетельствует „liso w kolorze purpury”, что автор перевода на польский язык, Э. Порембович, в примечаниях объясняет следующим образом: „purpura (deformacja czerwieni) symbolizuje nienawiść, będącą zaprzeczeniem Miłości Ducha Świętego” (Dante, Boska komedia, przeł. E. Porębowicz, Warszawa 1959, с. 105).
17. А. А. Потебня, Слово и миф, Москва 1989.
18. С. Яворский, Знамения пришествия Антихристового и кончины мира, [в:] Антихрист. Антология, Сост. комм. А. С. Гришина, К. Г. Исупова, Москва 1995.
19. М. И Дикман, Поэтическое творчество Федора Сологуба, [в:] Ф. Сологуб, Стихотворения, Ленинград 1975.
20. Гностики или о «лжеименном знании», составление и подготовка текста к печати С. И. Еремеев, Киев 1997.
21. Е. Я. Шейнина, Энциклопедия символов, Москва 2001.
22. М. Цимборска-Лебода, «Я» и тело в творчестве русских символистов, «Slavia Orientalis» 2010, том LIX, № 3.